

DOI 10.15826/qr.2016.3.185

УДК 94(470-25)"1904"+378.183:355.426+329.14(470-25)

**СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.:
АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА***

Сергей Нефёдов

Институт истории и археологии УрО РАН;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE STUDENT MOVEMENT IN MOSCOW
ON THE EVE OF THE 1905 REVOLUTION:
ANATOMY OF A PROTEST****

Sergey Nefedov

Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch);
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The role played by the student movement in the political events of the late 20th-early 21st centuries should encourage researchers to carry out a more detailed analysis of similar events in the preceding century. The student community was one of the actors involved in the modernisation process which ultimately led to the three Russian revolutions. It is important to consider the events that occurred prior to the start of the Russian Revolution in 1905 and to clarify the extent to which the students were instigators of the revolution. Particular attention should be paid to the events that took place on 5–6 December 1904: the mass student demonstrations in Moscow, accompanied by violent clashes with the police. The analysis of police surveillance reports and documents from the Ministry of Education shows that one of the factors motivating the student

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625).

** *Citation*: Nefedov, S. (2016). The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution: Anatomy of a Protest. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185

Цитирование: Nefedov S. The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution: Anatomy of a Protest // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185 / Нефёдов С. Студенческое движение в Москве накануне революции 1905 г.: анатомия протеста // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185.

movement was the propaganda campaign launched by liberal newspapers in connection with the convention of the Provincial Congress and the subsequent 'banquet campaign.' The students were influenced by the mood which then captivated society; they listened to criticisms of the autocratic regime being spread by liberal professors and liberal newspapers. The students were moved by the enthusiasm inherent in youth: they eagerly took up the slogans advanced by the older generation and brought them onto the streets. The underground political parties, the Social Democrats and the Socialist Revolutionaries, had no significant impact on the students. The student movement was mainly spontaneous: the students independently joined the demonstration on 16 October and then made the Socialist Revolutionaries join the demonstration on 5 December. The participation of the SRs made this demonstration aggressive and provocative. The protesters themselves provoked the police to use force; thus, the police responded appropriately. The battles that erupted on the streets of Russia's capitals did not bring any benefits to the struggle for liberal reforms. These clashes were interpreted by Nicholas II as a consequence of the 'policy of trust' and opened the frightening prospect of growing instability. As a result, the unbridled desire of students for reform forced the government to give up the idea of making any changes.

Keywords: First Russian Revolution; student unrest; Russian Social Democratic Party; demonstration on 5–6 December 1904.

Роль, которую играет студенческое движение в политических событиях конца XX – начала XXI в., побуждает исследователей к более детальному анализу аналогичных событий предшествующего столетия. Студенчество было одним из акторов процесса модернизации, которая в конечном итоге привела к трем русским революциям. Автор рассматривает события, происходившие перед началом Первой русской революции 1905 г., и пытается прояснить вопрос о том, в какой степени студенчество исполняло роль ее застрельщика. Особого внимания, по его мнению, заслуживают события 5–6 декабря 1904 г. – массовые демонстрации студентов Москвы, сопровождавшиеся ожесточенными столкновениями с полицией. Анализ сводок полицейского надзора, а также документов Министерства народного просвещения показывает, что одним из стимулов студенческого движения была пропагандистская кампания, развернутая либеральными газетами в связи с созывом Земского съезда и последующей «банкетной кампанией». Студенты подчинялись охватившему общество настроению, прислушивались к той критике самодержавного режима, которая раздавалась на лекциях либеральных профессоров и в либеральных газетах. Ими двигал свойственный молодости энтузиазм, они с горячностью подхватывали лозунги, выдвигавшиеся старшим поколением, и шли с ними на улицу. Подпольные политические партии – социал-демократы и эсеры – не оказывали существенного влияния на студентов. Студенческое движение было в основном стихийным, студенты самостоятельно вышли на демонстрацию 16 октября, а потом фактически заставили эсеров присоединиться к демонстрации 5 декабря. Уча-

стие эсеров придало этой демонстрации агрессивный и провокационный характер; демонстранты сами спровоцировали полицию на применение силы, и полиция ответила соответствующим образом. Настоящие сражения, разразившиеся на улицах столиц как в Москве, так и в Петербурге, не принесли пользы делу либеральных реформ. Эти столкновения были истолкованы Николаем II и его окружением как следствие «политики доверия» и открыли пугающую перспективу нарастающей дестабилизации. В итоге необузданное стремление студенчества к переменам привело к отказу правительства от каких-либо перемен.

Ключевые слова: Первая русская революция; студенческие волнения; Российская социал-демократическая партия; демонстрация 5–6 декабря 1904 г.

В последнее время студенческое движение вновь привлекает к себе внимание в связи с той ролью, которую играли студенты в недавних политических переворотах – в частности, в событиях на площади Тахир в 2011 г. и в киевском «Майдане» 2014 г. При анализе этих событий естественно обращение к историческому опыту – к рассмотрению подобных ситуаций в прошлом, в частности, в период русской революции 1905 г. Вопросы, которые возникают при таком анализе, актуальны как для прошлого, так и для настоящего.

Студенчество было одним из акторов процесса модернизации, которая в конечном итоге привела к трем русским революциям. Студенческое движение в Москве накануне первой русской революции связывают главным образом с демонстрациями 5–6 декабря 1904 г., сопровождавшимися ожесточенными столкновениями студентов с полицией. Эти события упоминаются в общих работах, посвященных студенческому движению [Гусятников; Завадский; Георгиева; Ушаков; Kassow], однако специальных исследований на эту тему до сих пор не проводилось.

Наиболее подробно о демонстрациях 5–6 декабря и о предшествующих им событиях рассказывается в работе П. С. Гусятникова, но и здесь изложение укладывается в три абзаца, причем – что наиболее важно – допускается существенное искажение описываемых событий. Например, говоря о демонстрации 5 декабря, П. С. Гусятников пишет: «В полдень 5 декабря со Страстной площади демонстранты с пением революционных песен и с красными знаменами двинулись по Тверской улице к дому генерал-губернатора. Против булочной Филиппова демонстранты были остановлены и жестоко избиты заранее стянутыми сюда нарядами полиции» [Гусятников, с. 135]. Между тем, эта информация не соответствует действительности: как свидетельствуют источники, стоявший у булочной Филиппова первый полицейский заслон был прорван действовавшими железными прутьями демонстрантами, и их удалось остановить только у дома генерал-губернатора – при этом, пытаясь прорваться к дому, демонстранты

стреляли в полицию (см. ниже). Чрезвычайно характерно, что о последнем обстоятельстве умалчивают все упомянутые авторы. Далее П. С. Гусятников приводит выдержку из письма большевика С. Спандаряна, в котором утверждается, что якобы «было убито несколько студентов и курсисток» [Гусятников, с. 136]. Эта информация также не соответствует действительности: убитых не было.

Воспроизводимая П. С. Гусятниковым и другими авторами версия о «жестокоем избиении» ни в чем не повинных студентов, о зверствах полиции и об «убитых курсистках» является не чем иным, как частью пропаганды, распространявшейся еще в конце 1904 г., сразу после событий, и ее целью было всемерное очернение правящего режима. Целью данного исследования является установление реальных фактов, связанных с подготовкой и проведением демонстрации 5 декабря 1905 г., и их анализ для ответа на вопросы, насколько самостоятельным было студенческое движение, кто руководил студентами и каковы были возможные планы этих руководителей.

Исследование выполнено в основном на малоизвестных документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, и на материалах периодической печати (газеты «Освобождение», «Искра», «Революционная Россия»), а также с использованием немногочисленных мемуарных свидетельств.

Обстоятельства возникновения и развития студенческого движения в России, а также смежные аспекты этой многогранной проблемы подробно разработаны в работах цитированных выше авторов. Отметим лишь, что студенческие выступления в 1899–1902 гг. достигли значительных масштабов; они проводились под лозунгами демократических свобод: свободы слова, собраний, свободы печати, гарантий личной неприкосновенности. Однако всех этих свобод студенты добивались в основном для себя – в рамках университетской автономии; это были те грани «академической свободы», которыми обладали студенты и преподаватели западных университетов, то есть движение шло в русле естественных процессов вестернизации и модернизации. Сосредоточенное в столицах и отличавшееся молодым задором студенчество представляло собой значительную силу – и вскоре политические партии обратили внимание на эту силу, стараясь привлечь ее под свои знамена. В обзоре Министерства народного просвещения (МНП), датированном началом 1905 г., говорится:

...Студентами умышленно пользуются как агитационным материалом решительно все: и социалисты, и земцы, и представители городов, выставляя вперед эту загнипнотизированную, отзывчивую, порывистую и самоотверженную рать [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 9 об.].

В 1904 г. наибольшим влиянием среди московского студенчества пользовались социал-демократы. Подчинявшаяся Московскому комитету РСДРП «Социал-демократическая организация московских

высших учебных заведений» насчитывала в своих рядах около 600 студентов. Однако летом МК РСДРП был ослаблен арестами, а затем в нем произошел раскол между большевиками и меньшевиками, так что он практически перестал функционировать. «Социал-демократическая организация» жаловалась в ЦК РСДРП на неработоспособность комитета, и в частности на то, что он прекратил снабжение студентов агитационной литературой [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 332. Л. 1].

Аресты нанесли урон и эсерам: весной 1904 г. были задержаны почти все члены Московского комитета Партии социалистов-революционеров (МК ПСР). На свободе остался лишь Владимир Зензинов, вчерашний студент, недавно вернувшийся после учебы в Германии. В Берлине Зензинов близко сошелся с Ильей Фундаминским и Абрамом Гоцем; трое друзей (которым в будущем было суждено войти в число лидеров ПСР) происходили из богатейших купеческих семей Москвы и прониклись революционным духом под влиянием старшего брата Абрама Гоца Михаила, в то время признанного вождя эсеров [Зензинов, с. 30–70].

Летом 1904 г. вся деятельность МК ПСР сводилась к тому, что Зензинов с другом, студентом университета Андреем Никитским, в подмосковном лесу печатали на мимеографе листовки. Эти листовки вкладывали в пачки с папиросами и раздавали направлявшимся на фронт солдатам. Комитет был восстановлен лишь осенью, после возвращения студентов с каникул; кроме Зензинова и Никитского, в него вошли по крайней мере четыре студента, трое рабочих и другие лица. Один из этих студентов, Б. Н. Черненков, уже имел некоторый пропагандистский опыт и даже (в качестве приглашенного) присутствовал на съезде ПСР в Женеве. Теперь у комитета была подпольная типография с настоящим печатным станком, и появилась возможность массового распространения листовок. Возобновилась кружковая работа, в частности, в университете функционировала «группа социалистов-революционеров» [Зензинов, с. 74–78; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. ПСР. Д. 338 (нумерованные листы); ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3. Л. 160 об –161; там же. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97 об.].

Помимо социалистов-революционеров и социал-демократов, среди студентов вел агитацию либеральный «Союз освобождения». В статье, опубликованной 7 сентября в журнале «Освобождение», П. Б. Струве писал, что «необходимо в определенных политических целях организовать и студенческую, и профессорскую среду. Организация же должна выработать операционный план кампании...» [П. С., с. 99]. Предполагалось организовать агитацию через либерально настроенных преподавателей общественных наук, которые могли в завуалированной форме пропагандировать идеи «Союза освобождения». Среди профессоров Московского университета было много ученых, известных своими либеральными взглядами, например, К. А. Тимирязев, А. А. Мануйлов, С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой,

П. И. Новгородцев, В. О. Ключевский, В. И. Вернадский; некоторые из них позднее стали видными деятелями кадетской партии.

Полицейский аналитик П. С. Статковский позднее писал, что беспорядки, происходившие в столичных высших учебных заведениях, «являются результатом попустительства части профессоров, с одной стороны... и преступной деятельности другой части профессоров, не только примкнувших по своим убеждениям к конституционно-демократической партии, но весьма часто стоявших чуть ли не на левом фланге развернутого строя русских политических партий» [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 51].

В упомянутом обзоре МНП отмечается:

Самым прискорбным, но серьезным фактором, с ясностью впервые проявившимся в истории студенческих волнений, является ближайшее касательство и даже участие в них многих господ профессоров высших учебных заведений... В конце сентября и начале октября студенческие демонстрации носили еще сравнительно невинный характер. Студенты в большей части случаев собирались для обсуждения собственных нужд и проявляли достаточные признаки послушания... В то же время некоторые из профессоров Московского университета, по-видимому, занялись организацией тенденциозных собраний под своим председательством. Весь ход этих собраний тщательно скрывался от лиц инспекции... Первым устроившим такое собрание был профессор князь С. Н. Трубецкой. 6 октября в ауд. № 1 нового юридического корпуса состоялось собрание студентов историко-филологического общества... Настроение заседавших под председательством профессора князя Трубецкого студентов было таково, что, уходя из университета, вся эта толпа запела песню предосудительного содержания («Отречемся от дряхлого мира») [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 8 об., 11—11 об.]

Одно из перехваченных полицией студенческих писем упоминает о том, что в университете началось брожение, и он наводнен нелегальной литературой. В другом письме говорится, что надзор над читальной поручен двум профессорам, которые смотрят сквозь пальцы на присутствие в ней запрещенных изданий [Там же. Л. 51, 97]. Настроение студентов проявилось во время инцидента, произошедшего 15 октября на Ярославском вокзале. До 200 студентов съехались на вокзал, чтобы проводить своих призванных на военную службу товарищей, офицеров запаса. В зале первого класса один из студентов, встав на стол, произнес речь, в которой призвал бороться не с внешним врагом, а с внутренним, и закончил восклицанием «Долой самодержавие!» Студенты дружно повторили этот призыв, после чего запели «Марсельезу». Полицейский унтер-офицер попытался задержать оратора, но его товарищи не позволили это сделать. На шум сбежались носильщики и солдаты, ждавшие поезда; многие из них были в нетрезвом виде. Простонародье вступило за полицию и «государя императора»,

завязалась потасовка, в которой пострадали несколько студентов. Жандармам удалось разнять дерущихся, шестеро участников беспорядков были задержаны, но, по сведениям полиции, за медицинской помощью никто не обращался [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 16; Д. 173. Л. 24].

Агитаторы поспешили представить этот инцидент как жестокое избиение студентов полицией, говорили о тяжелораненых и убитых [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 17]. Уже на следующий день появились листовки, взывавшие к мести. Это вызвало беспокойство попечителя Московского учебного округа П. Некрасова, который запросил разъяснения у обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, и Трепову пришлось оправдываться. В конце концов товарищ министра С. Лукьянов сдержанно ответил Некрасову, что необходимо вести разъяснительную работу среди студентов, а иначе «студенты, вызвавшие против себя негодование толпы, начинают затем жаловаться на грубое обращение со стороны представителей низших классов населения» [Там же. Д. 173. Л. 29].

16 октября после лекции В. О. Ключевского, на которую обычно собиралось много слушателей, несколько сот студентов остались в аудитории и устроили сходку. Очевидцы происшествия на вокзале рассказывали о подробностях избиения следующим образом: «Был, например, такой случай: багажный схватил одну курсистку за волосы и бил ее после того, как она упала на землю» [Студенческая манифестация, с. 159]. Уже через 20 минут возбужденные студенты покинули аудиторию и двинулись по Никитской улице, распевая «Марсельезу» и размахивая сделанным из красной рубашки флагом. По свидетельству одного из студентов, они намеревались идти в рабочие кварталы – поднимать на борьбу пролетариат. Однако на Садовой улице демонстранты натолкнулись на многочисленный полицейский наряд и после короткой схватки были рассеяны [Там же; Караваев, с. 21; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 17 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97].

Демонстрация 16 октября получилась стихийной и неорганизованной, что вполне характеризует состояние студенческого движения в Москве. На сходке студентов-медиков 18 октября студенты старших курсов стали возражать против организации новых демонстраций, и сходка не приняла никакой резолюции [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 18—18 об.]. 20 октября после лекции А. А. Кизеветтера около 300 студентов остались в аудитории, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. По свидетельству инспектора, предлагались различные способы выражения недовольства: забастовка, уличная демонстрация и даже террор. «В течение спора около 80 человек удалились из аудитории, а остальные вступили между собой в пререкания и разошлись, недовольные друг другом» [Там же. Л. 18 об. – 19].

Произнесенное на сходке слово «террор» напугало руководство МНП, и оно обвинило ректора университета в промедлении с принятием решительных мер. По мнению руководства, «учебное началь-

ство Московского округа отличалось в это время крайним добродушием» [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 196. Л. 20 об.]. Это проявилось в том, что попечитель Некрасов снова вступился за студенчество, указав, что «речи студентов, рекомендовавших прибегнуть к обструкции или террору, успеха не имели», и необходимо тщательное расследование, чтобы установить степень вины или невинности каждого участника сходки. Некрасов отметил также и то обстоятельство, что после 20 октября «нарушений порядка нигде в университете не произошло» [Там же. Д. 173. Л. 30–30 об.]. Действительно, департамент полиции констатировал:

...За отсутствием прочной организованности в среде московского студенчества старания революционных групп вызвать обширное движение успеха не имели, тем более что большинство революционеров признавали обострение движения несвоевременным [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97 об.].

Один из студентов писал другу:

В университете в настоящее время спокойно. Были в некоторых высших учебных заведениях сходки, участники которых решили, что устраивать теперь уличные демонстрации пока не имеет смысла. Особенно благодаря неорганизованности студенчества [Там же. Л. 52].

6–9 ноября в Петербурге проходил Земский съезд. В то время как петербургские студенты вместе с местными социал-демократами готовили в эти дни общенародную демонстрацию, в Москве было тихо. Студенты университета ограничились посылкой адреса, выражая свою убежденность, что «без свободы слова, совести и собраний, без всеобщего, тайного и равного избирательного права нет пути прогресса для русского народа» [Съезду, с. 6]. Под этим посланием съезду подписались две тысячи студентов.

Однако после окончания съезда в департамент полиции поступили тревожные сведения о подготовке в Москве «грандиозной демонстрации» рабочих и студентов. Демонстрацию готовили эсеры, и членам МК ПСР, студентам Б. Н. Черненко и И. И. Высоцкому, было поручено наладить агитацию на фабриках. Предполагалось закупить для демонстрантов оружие, причем, по предположению департамента полиции, деньги должны были поступить от Зензинова и Фундаминского. Время демонстрации предполагалось приурочить к падению Порт-Артура или же провести ее в конце декабря – начале января [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц»; Т. 3. Л. 6, 11, 12].

15 ноября эсеры устроили первую за год крупную агитационную акцию: они спровоцировали беспорядки и разбросали листовки на концерте в Российском благородном собрании. В этой акции в числе прочих участвовали студенты университета Б. Н. Черненко, Н. Н. Иванченко и только что вернувшийся в Россию друг Зензинова

Илья Фундаминский [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 61 об.]. Вместе с Фундаминским в Москву вернулась вся «берлинская компания», в том числе жена Фундаминского Амалия Гавронская, и Абрам Гоц. С появлением в Москве этих отпрысков богатейших купеческих семей финансовые средства эсеров значительно увеличились.

21 ноября эсеры организовали большую сходку в Сельскохозяйственном институте. Сходка проходила под видом танцевального вечера, в котором участвовали полторы тысячи студентов. Некоторые участники пришли на вечер в красных рубахах; имел место диспут между эсерами, «чистыми социал-демократами» и «социал-демократами-либералами» (вероятно, меньшевиками). На вечере говорили о том, что демонстрация состоится не раньше конца декабря [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 85–86]. 30 ноября должен был состояться суд над убийцей В. К. Плеве Е. Сазоновым и его напарником Л. Сикорским, однако, как говорит полицейское донесение,

...Московский комитет Партии социалистов-революционеров, желая ознаменовать сегодняшний день и не находя в настоящее время возможной демонстрацию ввиду недостаточной подготовки рабочих, ограничился выпуском... прокламации [Там же. Л. 96].

Правда, какая-то независимая от МК «группа социалистов-революционеров» вела агитацию, пытаясь организовать однодневную студенческую забастовку, так что на занятия в этот день пришло меньше студентов, чем обычно [Там же. Л. 95 об.].

Таким образом, еще 30 ноября МК ПСР не считал возможным организацию демонстрации до конца декабря по причине неготовности рабочих, и решение о ее проведении 5 декабря было для него вынужденным; оно было принято не комитетом, а стихийно собравшимися студентами. Студент университета Я. С. Розен в своей (перехваченной полицией) рукописи следующим образом объясняет ход событий:

Возбуждение, охватившее наше общество в последнее время, не могло не отразиться на нашей молодежи. Молодежь, как и все общество, ждала от правительства категорически обещанных реформ... Возбуждение росло. Нужен был только случай, чтобы это возбуждение прорвалось наружу. И этот случай скоро представился. В газете «Русские ведомости» появилась статья профессора Московского университета Тимирязева «Академическая свобода»... [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 33].

В статье, опубликованной 27 ноября, К. Тимирязев писал:

После долгого оцепенения русское общество как будто встрепенулось... На этот раз вопрос поставлен ясно, идти ли нам тем же путем, которым шли обогнавшие нас цивилизованные народы, или сохранить дорогие нашим охранителям исконные самобытно-византийские устои?..

Свобода совести, свобода слова и собраний, гарантии основных прав личности, все под защитой свободного народного представительства – вот ежедневно напоминаемые основы, без которых счастливый гражданин каждой истинно цивилизованной страны не может себе представить ее мирного нормального преуспеяния [Тимирязев, с. 2].

С одной стороны, это были естественные «мысли вслух старого профессора», с другой – агитационная статья в рамках проводившейся либералами антиправительственной кампании.

Отклик на эту статью показывает, насколько большую роль в студенческом движении играла позиция профессуры, воспринимаемая как агитация. В тот же день, 27 ноября, толпа студентов явилась к аудитории, в которой Тимирязев обычно читал лекции. Но лекции в этот день не было, тогда толпа пошла к дому Тимирязева и устроила под окнами овацию; возвращаясь в университет, студенты пели революционные песни [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 45]. В день следующей лекции Тимирязева (1 декабря) его близ аудитории приветствовала тысячная толпа студентов; в ответной речи профессор выразил надежду, что студенты станут свидетелями «второго освободительного движения» [Там же. Л. 45 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. 101, 107]. После этого напутствия часть студентов отправилась к актовому залу (который был закрыт), выломала двери и устроила сходку. Предполагалось обсудить вопрос о выражении протеста по поводу суда над Сазоновым и Сикорским, и хотя еще накануне никто не планировал устроить демонстрацию, всеобщее возбуждение было таково, что многие предлагали сейчас же идти на улицу. Однако большинство постановило устроить демонстрацию в воскресенье 5 декабря и предварительно обратиться за поддержкой к эсерам и социал-демократам [Там же. Л. 104, 107; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 3].

Зензинов отмечает, что возбуждение студентов было вызвано по большей части не судом над Сазоновым и Сикорским (их приговорили к пожизненной каторге), а жестоким избиением демонстрантов 28 ноября в Петербурге [Зензинов, с. 78]. Нужно учитывать и другие события, повышавшие градус студенческих эмоций. С 20 ноября собиравшаяся на митингах-банкетах интеллигенция требовала от правительства скорейшего созыва Учредительного собрания. 30 ноября с требованием созыва «выборных от населения» выступила Московская городская дума [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1250. Л. 106]. Профессор В. И. Герье отказался голосовать за эту резолюцию Думы и был освистан курсистками Высших женских курсов, не давшими почтенному ученому взойти на кафедру [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 49].

Спонтанное решение университетской сходки о демонстрации 5 декабря оказалось неожиданным для МК ПСР. Начальник Московского охранного отделения подполковник В. В. Ратко докладывал директору департамента полиции А. А. Лопухину, что эсеры решили

действовать «по настоянию радикальной части учащейся молодежи» [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 18]. Как видим, П. С. Гусятников не прав и в этом случае, утверждая, что инициатива исходила от МК ПСР [Гусятников, с. 135].

Зензинов с помощью двух товарищей спешно принялся за печатание листовок, призывавших рабочих и студентов на демонстрацию 5 и 6 декабря [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 18]. Одна из листовок, обостряя ситуацию, предупреждала, что при повторении 5 декабря петербургского избиения «вся ответственность за зверства падет на головы генерал-губернатора Сергея и полицмейстера Трепова», что «комитет не остановится перед тем, чтобы казнить их» [Последние известия, с. 24; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 51]. «Возбуждение царило очень сильное», – писал корреспондент «Искры» [Москва, с. 5]. Ходили слухи, что в демонстрации будут участвовать 12 тыс. рабочих, что целью вооруженных демонстрантов является разгром дворца московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича [Там же]. Ратко докладывал, что Фундаминский выделил две тысячи рублей на вооружение рабочих железными прутьями и на водку, которой «предполагалось угостить рабочих перед демонстрацией для поднятия их настроения». Всем имеющим какое-либо оружие было предложено взять его с собой; активисты должны были иметь револьверы, кроме того, готовились зажигательные бутылки с керосином [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц»; Т. 3. Л. 18].

Ратко просил у Лопухина разрешение на арест активистов, но тот ответил, что решение должен принять обер-полицейстер, а Трепов не отдал никаких распоряжений на этот счет [Там же. Л. 17]. Подполковник был в смятении, он обратился к своему бывшему начальнику С. В. Зубатову с призывом о помощи:

Дорогой родной Сергей Васильевич!.. Если это вас не затруднит, не откажите... приехать хотя бы на денек и немного поддержать нравственно. Я совсем измучен: все ходит ходуном, силы и средства для борьбы совершенно парализованы – не знаешь, что и делать. Ответственность не снята, а сделано все для революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошли до maximum'a, и кажется, дальше уже идти нельзя. 5-го и 6-го назначена вооруженная демонстрация, организованная освобожденцами сверху и социал-демократами и, главное, эсерами снизу. Рабочих будут предварительно поить водкой, вооружат железными прутьями. Многие явятся с револьверами. Д. Ф. [Трепова] хотят обязательно укокошить, а в доме великого князя бить стекла... [Козьмин, с. 40—41].

Зензинов подтверждает, что некоторые демонстранты были вооружены толстыми железными прутьями, которые поначалу прятали под пальто [Зензинов, с. 79].

К счастью для подполковника Ратко, его опасения не оправдались: из 12 тыс. обещанных эсерами рабочих на демонстрацию пришли лишь несколько десятков человек. Повторилось то, что уже было 28 ноября в Петербурге, – неявка рабочих привела к тому, что студенты остались один на один с полицией. Тем не менее, начало демонстрации было угрожающим, могло показаться, что демонстранты попытаются взять штурмом дворец генерал-губернатора. Вот как описывает события «Революционная Россия»:

Около 12 часов 5-го числа на Тверскую улицу со всех сторон устремилась масса народа, преимущественно интеллигентной публики и учащейся молодежи... Часть демонстрантов, человек 600–700, состоявшая почти исключительно из учащихся, сейчас же была окружена полицией, которая пыталась вырвать знамена и захватить знаменосцев... Попытки полиции остановить демонстрантов, однако, не имели сначала успеха, и последние, тесня полицию, начали быстро, почти бегом, двигаться к дому генерал-губернатора. Демонстранты двигались среди огромной толпы зрителей в несколько тысяч человек... Когда демонстранты добежали до дома генерал-губернатора, отношение полиции моментально изменилось, усиленная подоспевшими новыми отрядами, она моментально выхватила шашки и начала бить ими участников демонстрации... Из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, произошло некоторое замешательство, задние ряды остановились... [Из общественной жизни, с. 17].

В результате схватки произошло следующее:

...Часть демонстрантов рассеялась, часть была арестована, на месте побоища осталось в бессознательном состоянии четыре человека... Разбитые демонстранты попытались перенести демонстрацию в другие части города... Такое же точно избиение, как на Тверском бульваре, произошло одновременно и около Кузнецкого моста, где также было сделано несколько выстрелов. Выстрелы, несомненно, оказывали свое действие, но вооруженных револьверами, в общем, оказалось слишком мало... [Там же].

Несмотря на угрозы эсеров, обер-полицмейстер Трепов лично командовал полицейским нарядом у губернаторского дворца. Он докладывал руководству МВД, что первый ряд полицейских был опрокинут ударами палок, кистеней и железных прутьев, и приказ обнажить шашки был отдан им лишь после первого выстрела [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 5]. Студенты впоследствии издали брошюру, в которой утверждали, что они стреляли в целях самозащиты и что полицейские тоже стреляли в демонстрантов [Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 5–9]. Однако различные комиссии (в том числе и общественные) зафиксировали, что огнестрельные ранения были только у полицейских. Полицейские специально обращали внимание зрителей на выстрелы из толпы; один околоточный даже пожаловался публике, что «господа студенты изволят стрелять» [Там же. Л. 6].

6 декабря студенты по призыву эсеров пытались повторить демонстрацию, но на Тверскую пришло лишь около 300 человек, которые были быстро рассеяны полицией [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. «А». Т. 2. Л. 5; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 9]. В результате двухдневных столкновений ранения получили 17 демонстрантов и 16 полицейских; 150 демонстрантов были задержаны, но большинство их отпустили в тот же день; под стражей остались 22 человека [ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 1570. Л. 1–3].

Интересно посмотреть на социальный состав наиболее активных участников демонстрации. В числе 21 демонстранта, привлеченного к судебному следствию, были 12 дворян и почетных граждан, двое из купеческого сословия и сын полковника – три четверти обвиняемых принадлежали к обеспеченным слоям общества. Еще более показательной была картина среди тех, кто не были привлечены к следствию, но сразу получили от двух до трех месяцев административного ареста. Таковых было десять человек, среди них шесть дворян (даже один князь) и двое из купеческого сословия [ГАРФ. Ф. 102. Д. 7. 1904. Оп. 201. Д. 3497. Л. 5, 9]. В числе задержанных оказалась сестра Ильи Фундаминского Ида, недавно вернувшаяся в Москву после учебы за границей. Зензинов и члены МК ПСР сумели избежать задержания, хотя они были в первых рядах демонстрантов и участвовали в столкновении с полицией [Зензинов, с. 79].

Несмотря на проявленное мужество, эсерам не удалось избежать обвинений со стороны рядовых демонстрантов. «Искра» писала:

12 000 рабочих не оказалось. Это произвело удручающее впечатление на студенческую неосведомленную и политически незрелую массу, которая пришла, повинувшись одному чувству. Приходилось слышать возгласы: «Нас обманули!» [Москва, с. 5].

В свою очередь, эсеры обвиняли социал-демократов в том, что они не поддержали демонстрацию [Из общественной жизни, с. 18].

7 декабря еще не остывшие от уличных схваток студенты собрались на сходку в университете. Некоторые (в том числе и председатель сходки) были в бинтах и повязках. Обсуждался вопрос о необходимости вооруженного сопротивления. Перепуганное начальство вызвало полицию, и она окружила здание университета. После переговоров студентов выпустили из здания при условии, что они подпишут принятую на сходке резолюцию, то есть сообщат полиции свои имена. Резолюция содержала призыв к проведению всеобщей студенческой забастовки и организации после Рождества большой вооруженной демонстрации с непереносимым на этот раз участием рабочих. Резолюцию подписали 550 человек, а на следующий день число подписей достигло 1100 [Из общественной жизни, с. 18; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 35 об.].

7 и 8 декабря состоялись сходки на Высших женских курсах. Инспекция доносила, что «под влиянием ложных слухов о пострадавших ожесточение части присутствовавших достигло небывалых размеров» [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 61]. В итоге курсистки решили присоединиться к всеобщей забастовке, причем непокорных предполагалось заставить бастовать силой [Там же]. Полиция сообщала:

...После событий 5 и 6 декабря учащиеся высших учебных заведений столицы... находятся в крайне возбужденном состоянии, и во всех учебных заведениях ведется усиленная агитация за выражение протеста действиями полиции прекращением посещения лекций до наступления рождественских каникул... Такое же возбуждение замечено и среди различных групп лиц свободных интеллигентных профессий (присяжные поверенные, литераторы, профессура), где ведется агитация по тому же поводу. Одним из наиболее деятельных в этом отношении является... присяжный поверенный С. И. Шаховский, который организовал производство следствия о действиях полиции в дни беспорядков и по собиранию сведений о числе пострадавших демонстрантов... В агитационных целях распространяются слухи о многих будто бы случаях убийств и тяжелых поранений [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 25—25 об.].

Студенты обратились к университетским профессорам с призывом поддержать их протест против «полицейского насилия». 15 профессоров и 18 приват-доцентов адресовали министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому телеграмму с просьбой «прекратить напрасное кровопролитие» и провести гласное расследование действий полиции [Там же. Л. 12]. Агитаторы приходили к профессорам на квартиры – приходили и к С. Н. Трубецкому, но он отказал, говоря, что «не может, зная дело, подписаться под такой телеграммой и находит, что полиции не оставалось ничего иного, как драться, когда в нее стреляли» [Трубецкая, с. 290].

8 декабря в университете началась студенческая забастовка. Три группы активистов ходили по аудиториям и призывали студентов прекратить занятия. В большинстве случаев студенты и профессора следовали этому призыву, лишь математики-первокурсники воспротивились и заставили агитаторов удалиться. 9 декабря лекции шли при малом числе слушателей или совсем не состоялись из-за неявки студентов [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 64]. В этот день профессора впервые пришли на студенческую сходку, чтобы поддержать своих учеников. Это произошло на медицинском отделении университета, в анатомо-патологическом институте, где шесть профессоров и преподавателей по поручению своих коллег не только выразили сочувствие студентам, но и предложили им созвать массовую «общестуденческую и общепатологическую» сходку [Там же. Л. 72–74; Д. 196. Л. 28 об.]. Комментируя эту ак-

цию профессоров университета, цитируемая выше записка МНП констатирует:

...Очевидно, господа профессора признали своевременным не скрывать более свое соучастие мятежным действиям и открыто выступили в своих поощрениях всего студенческого движения [Там же. Д. 196. Л. 28].

11 декабря на заседании университетского совета профессора создали комиссию из 16 членов для «обсуждения настоящего положения в университете». В состав этой комиссии вошли В. О. Ключевский, С. Н. Трубецкой, Р. Г. Виппер, А. Б. Фохт и ряд других профессоров, известных своими либеральными взглядами. 14 декабря комиссия представила Совету свой доклад. В нем утверждалось:

...Нормальная академическая жизнь возможна лишь при обновлении всего политического строя России на началах неприкосновенности личности, свободы совести, печати и слова, собраний и союзов, обеспеченных участием народных представителей в осуществлении законодательной власти [РГИА Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 75, 78, 93, 105 об.].

Этот доклад, вопреки сопротивлению ректора, был одобрен советом.

12 декабря, несмотря на воскресный день, около 500 студентов университета собрались на сходку с участием профессоров и преподавателей. На этот раз полиции удалось установить личности этих профессоров-«зачинщиков»: это были медики И. К. Спижарный, В. К. Рот и Н. С. Сперанский. Выяснилось также, что перед этим около 40 профессоров (из 90 профессоров университета) собрались в клинике профессора П. И. Дьяконова на совещание о представлении официального протеста против насилия полиции [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 36]. На сходке было принято решение обратиться к Московской городской думе, которая еще 30 ноября приняла либеральную резолюцию с требованием «выборного представительства». В этом обращении студенты писали об убитых демонстрантах, о множестве раненых и выражали надежду, что Дума защитит жителей Москвы от «дикого полицейского разгула» [Там же. Ф. 124. Оп. 43. 1570. Л. 6]. 14 декабря депутация из 30 студентов вручила соответствующий адрес городскому голове князю Голицыну [Там же. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 44].

Между тем, в среде интеллигенции продолжалась компания бурных протестов против «дикого полицейского разгула». В донесении полиции говорилось:

Особенно выделялись в этом отношении корпорации литераторов и присяжных поверенных, причем на собраниях первых, устраиваемых по инициативе поэта Константина Бальмонта... и последних – по инициативе секретаря совета присяжных поверенных... Сергея Старынкевича предпо-

лагалось ответить на действия полиции устройством новой демонстрации с тем, чтобы в таковой приняли участие и лица названных корпораций [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 28].

Раздавались призывы к эсерам выполнить свое обещание и казнить Трепова и великого князя Сергея Александровича [Там же. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 25, 45]. 2 января 1905 г. студент А. А. Полторацкий несколько раз стрелял в Трепова. Зензинов готовил покушение и на великого князя, но за осуществление этой акции взялся лично один из вождей Боевой организации эсеров Б. В. Савинков [Зензинов, с. 81]. 4 февраля 1905 г. Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым.

Трепов и великий князь Сергей Александрович были вождями «реакционной партии», противниками проводимой Святополком-Мирским «политики доверия». Неприязнь доходила до такой степени, что Святополк-Мирский предполагал, будто московское начальство поощряло беспорядки 5–6 декабря, дабы представить их как результат его политики [Святополк-Мирская, с. 271]. Под влиянием распространявшихся либералами слухов о «кровавой расправе» Мирский 6 декабря телеграфировал Трепову, что его боевые качества могут быть с большим успехом применены против Японии [Кавторин, с. 310]. В Петербурге в это время проходили заседания комиссии, рассматривавшей проект Мирского о введении в Государственный совет представителей сословий: предполагалось пойти на уступки либералам и осуществить (хотя бы частично) их главное требование о создании народного представительства. Сергей Александрович поспешно приехал в северную столицу и, неожиданно появившись на совещании, резко выступил против Мирского. А. А. Лопухин вспоминал, что «великий князь Сергей... выдвинул самый страшный для чиновничьей среды жупел – подозрение в измене престолу» [Лопухин, с. 51].

В знак протеста против политики Мирского Сергей Александрович и Трепов демонстративно подали в отставку; после провала его проекта это был вынужден сделать и министр внутренних дел [Крылова, с. 131, 173]. Таким образом, обострив отношения в окружении императора, события 5–6 декабря способствовали резким переменам в правительственных сферах. Эти перемены означали конец «политики доверия».

Вялотекущая война между министром внутренних дел и московским начальством еще продолжалась в течение декабря 1904 г., пока действующие лица ожидали распоряжений о передаче дел своим преемникам. Ссылаясь на коллективный протест профессоров Московского университета, Мирский возбудил расследование действий полиции 5–6 декабря. Прокуроры выясняли вопрос о жертвах, справлялись в больницах о раненых и искали убитых, о которых говорили студенты, но не нашли. Сергей Александрович энергично протестовал против «исследования неизвестных мне злоупотреблений, совер-

шенных неизвестными лицами», и в конечном счете расследование окончилось ничем [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 35 об., 52, 56].

Подготавливаемая студентами вооруженная демонстрация также не состоялась. С 15 декабря учащиеся разъехались на рождественские каникулы, а затем новые грандиозные события – «Кровавое воскресенье» – заслонили собой все, что происходило ранее. После этих событий новое полицейское начальство поспешило в превентивных целях арестовать весь состав МК ПСР; все герои 5 декабря оказались за решеткой, кроме Ильи и Амалии Фундаминских, которые успели уехать за границу [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3. Л. 163].

Подводя итоги, можно констатировать, что либеральная агитация побуждала студентов к действию, они обостренно воспринимали критику самодержавного режима, читали либеральные газеты и прислушивались к мнениям либеральных профессоров. Статья Тимирязева в какой-то степени стала спусковым крючком в новом подъеме студенческих волнений. Многие преподаватели и профессора поддерживали студенческое движение, что с полной ясностью проявилось после 5 декабря. Однако либеральная профессура не руководила студенческим движением и не подстрекала студентов к демонстрациям. Студенческое движение было в основном стихийным, что ярко проявилось в событиях 16 октября. Расправа над студентами в Петербурге вызвала волну протестов среди московского студенчества, и студенты фактически заставили эсеров присоединиться к демонстрации 5 декабря. Участие эсеров придало этой демонстрации агрессивный и провокационный характер, и на улицах Москвы разыгрались форменные сражения. Однако студенческие протесты не принесли пользы делу либеральных реформ. Столкновения в Петербурге и Москве были истолкованы Николаем II и его советниками как следствие непродуманных обещаний в рамках «политики доверия». В итоге необузданное стремление студенчества к переменам привело к отказу правительства от каких-либо перемен.

Список литературы

- Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213.
ГАРФ. Ф. 102. Д. 7. 1904. Оп. 201. Д. 3497; ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3; ДП. ОО. Оп. 253. Д. 38; ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10; Д. 3. Ч. 10. Т. 2.; Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Д. 1250; Ф. 124. Оп. 43. Д. 1570.
Георгиева Н. Г. Революционное движение в России в конце XIX – начале XX в. М. : Высш. школа, 1986. 190 с.
Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России : 1899–1907. М. : Мысль, 1971. 264 с.
Завадский Н. Г. Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. СПб. : Нестор, 1998. 221 с.
Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1953. 414 с.
Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века : Социально-историческая судьба. М. : Политич. энцикл., 1999. 414 с.

- Из общественной жизни // Революционная Россия. 1904. № 57. С. 17.
- Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе : 9 января 1905 года. Л. : Лениздат, 1992. 427 с.
- Караваев П. Н. В дооктябрьские годы : На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М. : Госполитиздат, 1953. 160 с.
- Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М. : Госиздат, 1928. 139 с.
- Крылова Е. А. Петр Дмитриевич Святопок-Мирский и деятельность министерства внутренних дел : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 196 с.
- Лонухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М. : Госиздат, 1923. 99 с.
- Москва // Искра. 1904. № 81. С. 5.
- П. С. Что же теперь? : (К началу учебного года) // Освобождение. 1904. № 56. С. 98–99.
- Последние известия // Революционная Россия. 1904. № 56. С. 24.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 332; Ф. 673. Оп. ПСР. Д. 338.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173, 196.
- Святополк-Мирская Е. А. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 236–293.
- Спешков С. Ф. Записка, составленная по поручению Министра Народного просвещения членом Совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся в различных учебных заведениях Министерства Народного просвещения. СПб. : Б. и., 1908. 60 с.
- Студенческая манифестация в Москве // Освобождение. 1904. № 59. С. 159.
- Съезду земских деятелей // Искра. 1904. № 78. С. 6.
- Тимирязев К. Академическая свобода (мысли вслух старого профессора) // Русские ведомости. 1904. № 330. С. 2–3.
- Трубецкая О. Из пережитого // Современные записки. Париж. 1937. Т. 64. С. 277–318.
- Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М. : Мысль, 1976. 239 с.
- Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley : Univ. of California Press, 1989. 438 p.

References

- Arkhiv Rossyskoy Akademii Nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 518. List 4. Dossier 213.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. D. 7. 1904. List 201. Dossier 3497; DP. OO. 1898. List 226. Dossier 80. Leaf “Ts”. T. 3; DP. OO. List 253. Dossier 38; DP. OO. 1904. List 232. Dossier 3. Part 10; Dossier 3. Part 10. Vol. 2.; Dossier 3. Part 10. Vol. 2. Leaf “A”. Dossier 1250; Stock 124. List 43. Dossier 1570.
- Georgieva, N. G. (1986). *Revolutsionnoe dvizhenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Revolutionary Movement in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. 190 p. Moscow, Vysshaya shkola.
- Gusyatnikov, P. S. (1971). *Revolutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii : 1899–1907* [Revolutionary Student Movement in Russia: 1899–1907]. 264 p. Moscow, Mysl’.
- Ivanov, A. E. (1999). *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka : Sotsial’no-istoricheskaya sud’ba* [Russian Students of the Late 19th – Early 20th Centuries: Socio-Historical Fate]. 414 p. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.
- Iz obshchestvennoy zhizni* [From Social Life]. (1904). In *Revolutsionnaya Rossiya*, 57, p. 17.
- Karavaev, P. N. (1953). *V dooktyabr’skie gody : Na partynoy rabote, v tyur’me i ssylke* [Before the October Years: At Party Work, in Prison, and in Exile]. 160 p. Moscow, Gospolitizdat.
- Kassow, S. (1989). *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. 438 p. Berkeley, Univ. of California Press.
- Kavторин, V. V. (1992). *Pervyy shag k katastrofe : 9 yanvarya 1905 goda* [The First Step Towards a Catastrophe: January 9, 1905]. 427 p. Leningrad, Lenizdat.
- Koz’min, B. P. (1928). *Zubатов i ego korrespondenty* [Zubatov and His Correspondents]. 139 p. Moscow, Gosizdat.

Krylova, E. A. (2006). *Petr Dmitrievich Svyatopok -Mirsky i deyatelnost' ministerstva vnutrennikh del : dis... kand. ist. nauk* [Pyotr Dmitrievich Svyatopolk-Mirsky and the Activity of the Ministry of Internal Affairs: PhD Thesis Abstract (History)]. 196 p. St. Petersburg.

Lopukhin, A. A. (1923). *Otryvki iz vospominany* [Memoirs: Excerpts]. 99 p. Moscow, Gosizdat.

Moskva [Moscow]. (1904). In *Iskra*, 81, p. 5.

P. S. (1904). *Chto zhe teper'?* : (K nachalu uchebnogo goda) [What now? (For the Beginning of a School Year)]. In *Osvobozhdenie*, 56, pp. 98–99.

Poslednie izvestiya [The Latest News]. (1904). In *Revolyutsionnaya Rossiya*, 56, p. 24.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 1. Dos. 332; Stock 673. List PSR. Dos. 338; Stock 733. List 152. Dos. 173, 196.

S"ezdu zemskikh deyatley [For the Congress of Zemstvo Representatives]. (1904). In *Iskra*, 78, p. 6.

Speshkov, S. F. (1908). *Zapiska, sostavlenneya po porucheniyu Ministra Narodnogo prosveshcheniya chlenom Soveta taynym sovetnikom Speshkovym o razlichnykh organizatsiyakh sredi uchashchikhsya v razlichnykh uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya* [A Report Written on the Order of the Minister of Education by Soviet Member, Secret Advisor Speshnikov on Different Students Organizations in Various Educational Establishments of the Ministry of Education]. 60 p. St. Petersburg.

Studencheskaya manifestatsiya v Moskve [Students' Demonstration in Moscow]. (1904). In *Osvobozhdenie*, 59, p. 159.

Svyatopolk-Mirskaya, E. A. (1965). *Dnevnik kn. Ekateriny Alekseevny Svyatopolk-Mirskoy za 1904–1905 gg.* [Yekaterina Alekseevna Svyatopolk-Mirskaya's Diary for 1904–1905]. In *Istoricheskie zapiski*, Vol. 77, pp. 236–293.

Timiryazev, K. (1904). *Akademicheskaya svoboda (mysli vslukh starogo professora)* [Academic Freedom (Old Professor Thinking Aloud)]. In *Russkie vedomosti*, 330, pp. 2–3.

Trubetskaya, O. (1937). *Iz perezhitogo* [From the Lived Through]. In *Sovremennye zapiski*, Vol. 64, pp. 277–318. Paris.

Ushakov, A. V. (1976). *Revolutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii v Rossii. 1895–1904* [The Revolutionary Movement of Democratic Intelligentsia in Russia, 1895–1904]. 239 p. Moscow, Mysl'.

Zavadsky, N. G. (1998). *Studenchestvo i politicheskie partii v 1901–1914 gg.* [Students and Political Parties between 1901 and 1914]. 221 p. St. Petersburg, Nestor.

Zenzinov, V. M. (1953). *Perezhitoe* [The Lived Through]. 414 p. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova.

The article was submitted on 15.04.2016